

СУРОВАЯ РАСПЛАТА

ТЕНЬ СРЕДИ ЛЕТА
ПРЕДАТЕЛЬСТВО СРЕДИ ЗИМЫ

ВОЙНА СРЕДИ ОСЕНИ
РАСПЛАТА ЗА ВЕСНУ

КИНЖАЛ И МОНЕТА

ПУТЬ ДРАКОНА

КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ

ЗАКОН ТИРАНА

ДЭНИЕЛ АБРАХАМ

ЗАКОН ТЫРАНА

КИНЖАЛ И МОНЕТА • КНИГА 3

АЗБУКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
А 16

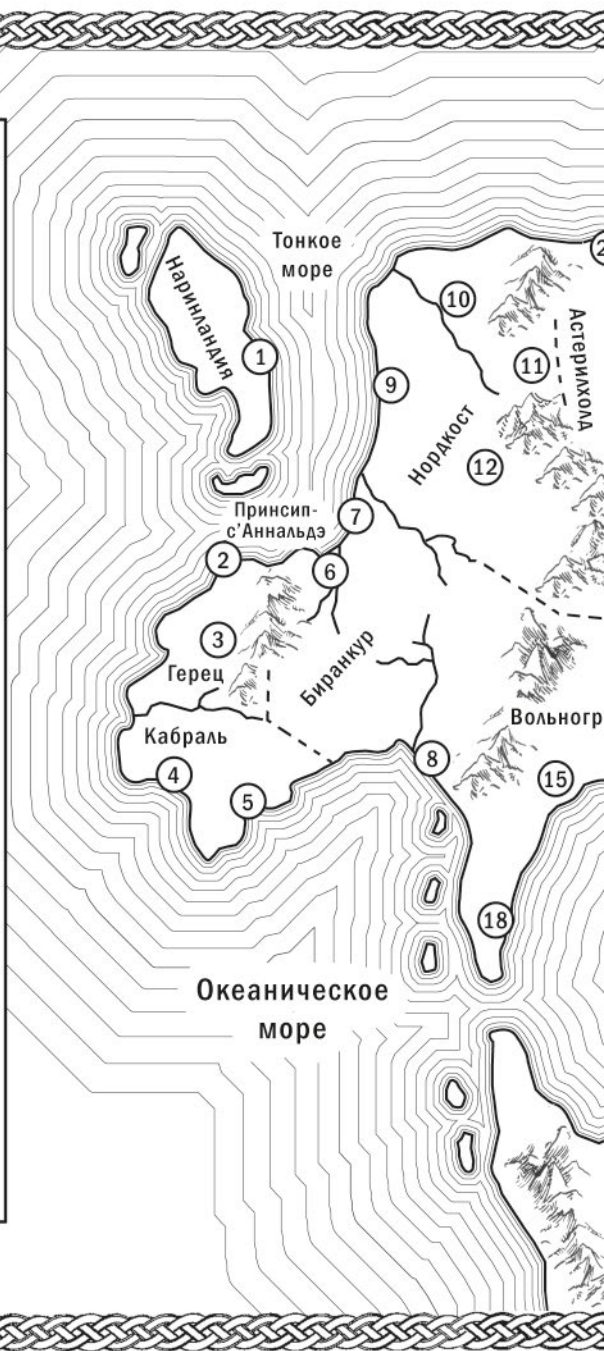
Daniel Abraham
THE TYRANT'S LAW
Copyright © Daniel Abraham, 2013
Published in agreement with the author,
с/o BAROR INTERNATIONAL, INC., Armonk, New York, U.S.A.
All rights reserved

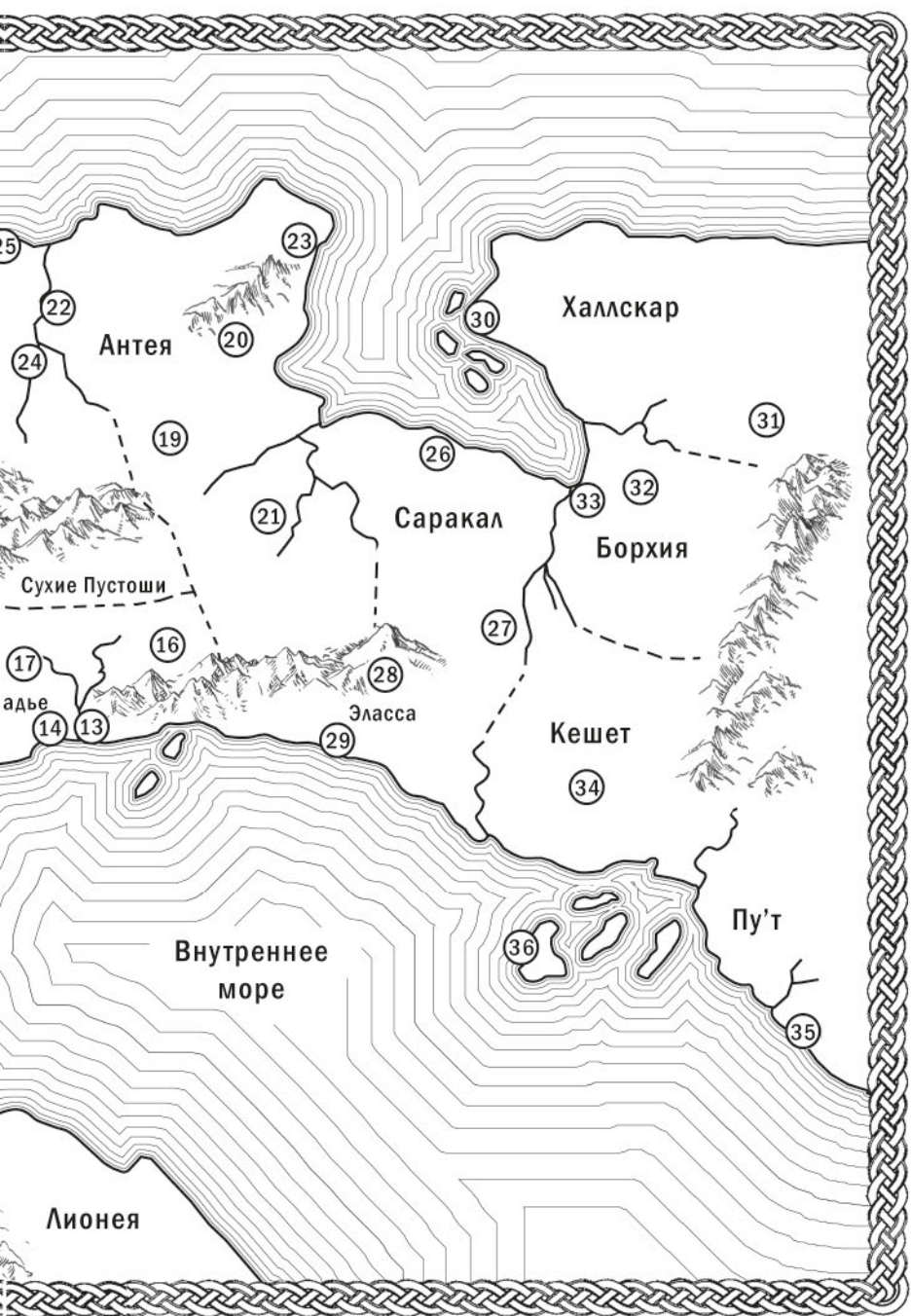
Перевод с английского Ирины Майгуровой
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-24965-3

© И. В. Майгурова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

1. Столборн
2. Ласпорт
3. Дзун
4. Кирин
5. Упурт-Марион
6. Сара-сюр-Мар
7. Порте-Силена
8. Порте-Олива
9. Карс
10. Водфорд
11. Градис
12. Эллис
13. Ванайи
14. Ньюпорт
15. Гилея
16. Орсен
17. Беллин
18. Маччия
19. Кемниполь
20. Севенполь
21. Кавинполь
22. Аннинфорт
23. Эстинпорт
24. Калтфель
25. Асинпорт
26. Нус
27. Инентайи
28. Киария
29. Суддапал
30. Руккьюпал
31. Такинпал
32. Лоди
33. Тауэндак
34. Бехур-Дан
35. Маларска
36. Корт

Пролог

МИЛЛОН ИЗ КЛАНА МЮРРО

Миллон поскользнулся во мраке и рухнул на одно колено. Прибрежные камни впились в кожу, сквозь штаны проступила кровь. Шедший впереди старый рыбак по имени Кирот остановился и поднял над головой фонарь, седые брови вопросительно дернулись — мол, идешь или будешь тут торчать? Севернее морской прибой грохотал обломками льдин, на юге ждала окутанная тьмой родная деревушка. Миллон с усилием поднялся. Подумаешь, кровь. Не впервой. Кирот кивнул и вновь пустился в долгий и трудный путь вдоль берега.

Звуки шагов на фоне мерно накатывающего прибоя напоминали замысловатый ритмический узор брачного танца. Миллон почти вживую слышал дрожащие трели скрипок и перестук ракушечных барабанов. Он припомнил разговоры о том, что из тринадцати человеческих рас хаавирки более всех восприимчивы к музыке, правда на его памяти так утверждали лишь сами хаавирки. Из глубин мелодии возник женский голос, взметнулся руладами и в чувственном порыве прильнул к струнным переливам. Наваждение, понял Миллон. Отец говорил — то голос моря. Миллон прежде слышал такое и с лодки в предрасветных сумерках, и на берегу после изматывающего дня

в холодных северных водах: иногда музыка, иногда голоса — то в мирной беседе, то в споре. Кое-кто из дряхлых стариков или зеленых юнцов иной раз объявлял пение настоящим — дескать, это утопленцы зывают к хаавиркам как к родственной человеческой расе. Отец Миллона только отмахивался: чухь. Голоса — плод воображения, зыгрывающего от грохота льда и волн. Миллон тоже так считал.

Берег здесь был неприветлив. Скалы, каменная отмель. Тяжелые зеленые крабы, снежно-серые чайки. Ночи порой радовали золотисто-зелеными сполохами полярного сияния, однако сейчас небо затянули низкие темные облака, в воздухе веяло близящимся снегопадом. Сквозь ключья облаков временами проглядывала луна, бросала луч на мужчин и вновь скрывалась. Впрочем, нет. Мужчина здесь был только один, второй лишь готовился им стать. Утро Миллон встретил еще мальчиком, уснет уже женщиной, а сейчас он в опасном промежутке между двумя состояниями — ни то ни другое. Потому-то он и идет сейчас по этому берегу.

Он знал, что от фонаря Кирота лучше отвернуться, иначе будет слепить глаза. Надо смотреть в сторону — так виднее в темноте. Однако взгляд невольно устремлялся к огню, и у Миллона не хватало воли его отводить. В каждой из рыбацких деревушек, сотнями усеявших берег Халлскара, был свой клан, свой ритуал, свои тайны, символы и священнодействия. Между иными кланами царила кровавая вражда, причины которой забылись поколения назад. Мужчины из клана Водман, с красно-синими татуировками на лицах, упорно топили корабли зеленоликих членов клана Лю'с, а те жгли солильни Водманов, пока более старший клан из Руккьюпала не заставил всех примириться. В одних кланах мальчик считался женщиной лишь

после того, как проведет месяц в море на собственноручно изготовленной лодке. В других испытуемым полагалось поститься до тех пор, пока не сойдет весь подкожный жир, традиционный для хаавирков, и истончившаяся кожа не повиснет складками. Для Миллона и всех мальчиков клана Мюрро существовал специальный обряд посвящения. Вечер песен и уютной ласки, последняя ночевка на женской половине дома, следом с рассвета до заката — ритуальные поединки и побои, от которых у Миллона теперь болела спина и подрагивали ослабшие колени.

А затем — тайное посвящение, о сути которого не слышали мальчики и никогда не говорили мужчины. Даже сейчас Миллон знал лишь то, что ради этого нужно самой долгой ночью в году куда-то брести по берегу во время отлива.

Кирот, хмыкнув, шагнул левее. Миллон затуманенным умом не сообразил зачем, пока сам не наступил в полузамерзшую лужу между скальными выступами. Люди других рас — первокровные, тралгуты, йеммуты и даже куртадамы с их лоснящимся от жира мехом — в такую ночь, промолив ноги, рисковали бы погибнуть от холода. Однако драконы создали хаавирков для жизни на севере, поэтому Миллон лишь скривился — подумаешь, незадача. Сегодня сплошь незадачи, день такой.

Кирот шумно вздохнул, остановился и вытащил из шляпы костяную курительную трубку. Набив ее табаком, он зажал чубук между потемневшими от гнили зубами, склонился к огню фонаря и всосал дым, как младенец — материнское молоко. Во взгляде, который он бросил на Миллона, была торжественность: дорога кончилась, пришли. Старый рыбак протянул трубку Миллону. У того мелькнула мысль, не стоит ли напоказ закашляться от дыма? Мальчикам табак не полагался, однако почти все ухитрялись время от времени стащить щепотку-другую у отца

или старшего брата. Миллон, припав к нагретой трубке, втянул в себя дым; угли засветились во тьме, как глаза дартина. По улыбке Кирота он понял, что все сделал верно.

— А теперь слушай, — бросил Кирот; при звуке живого голоса, доносящегося не изнутри головы, Миллон вздрогнул. — Из всех хаавирков только наш клан знает великую тайну, главную в целом свете. Слышишь? Есть такая штука, которую знаем мы одни.

— Ну, — отозвался Миллон.

— Помнишь Йосена, сына Кхола?

Миллон кивнул.

— Его не сетями утащило, — продолжал Кирот. — Он болтал о тайне с кем не надо. О той самой тайне, что ты сейчас узнаешь. Йосена прикончил его собственный отец. И твой тебя прикончит, коли станешь болтать о мужских секретах. Что здесь узнаешь — никому знать не дано, кроме мужчин нашего клана. Понял?

Миллон вновь кивнул.

— Вслух говори, — велел Кирот. — Чтоб уж без недо-молвок.

От теплого дыма в голове успело проясниться, чуть стихла боль в теле. Миллон затянулся еще раз и выпустил дым через ноздри. В берег ударила мощная волна, выбросила на камни кинжальные обломки льда и отхлынула обратно во мглу.

— Если проболтаюсь о том, что сейчас узнаю, то мне не жить.

— И никто не дознается до причин, — добавил Кирот. — Ни родная мать, ни твои собственные жены — коли они у тебя будут. Несчастный случай, вот и все.

— Ясно, — выдохнул Миллон.

Кирот расправил широкие плечи, в хребте хрустнуло — будто переломилось несколько хворостин.

— Ты ведь знаешь, как пробуждаются от сна? — спросил он. — Спишь себе и видишь, как пьешь козье молоко с покойной тетушкой, или еще какую чухшь. Потом очнешься — и вся картинка растаяла. А если заснул уставшим или, может, в дреме услышал издали собачий лай и не совсем проснулся — то бывает, что видишь сразу и сон, и явь. Сны-то потом исчезнут: они только видимость, мельтешение в мозгу. Когда утром встаешь и берешься за дело — не всякий раз и вспомнишь, что там ночью пригрезилось.

Миллон еще раз припал к трубке. Колени дрожали меньше, спину ломило больше. До него вдруг дошло, что Кирот почему-то смотрит раздраженно. Миллон мотнул головой.

— Спрашиваю снова, не отвлекайся. Знаешь ли ты, каково это — пробуждаться от глубокого сна?

— Знаю.

— Ну вот. В этом сне, который растает, помещается целый мир. Мы с тобой, море с небом. Все что ни есть. Это все снится драконам. И если проснется последний дракон — нам крышка. Все, что происходило за все времена, разом сгинет. Будто не было.

Кирот говорил небрежно, словно рассуждал с друзьями о погоде или будущем улове. Миллон ждал разъяснения притчи. Вновь ударила о берег волна, загрохотали камни и льдины. В тусклых лучах фонаря лицо Кирота показалось ему сконфуженным.

— Ну ладно, — буркнул старый рыбак, поворачиваясь спиной к морю. — Чего время тянуть. Пошли.

Миллон подумал было, что уже пора возвращаться в деревню, и его, уставшего до полубеспамятства, переполнила радость пополам с разочарованием. Однако Кирот повел его не к притихшим в темноте домам, а к скалам. Веками напролет здешние приливы подтачивали береговой ка-

мень, смывали в море грунт и обнажали остов мира. Скалы пестрели тоннелями и пещерами — сгустками тьмы на фоне тьмы. К одному из таких и направлялся Кирот, по-прежнему держа в руке качающийся фонарь. Миллон лишь порадовался тому, что старый рыбак не забрал у него трубку.

Пол пещеры, слегка покатый, лежал ниже полной воды. Ноги вязли в принесенных морем водорослях и древесных обломках, среди которых наверняка прятались крабы и ледовые змеи. В стылом воздухе пахло соленой водой и гнилью. Кирот вздернул фонарь повыше, бормотнул что-то под нос и побрел вперед, в самую темень. Миллон не отставал. Пещера, все углубляясь, за поворотом превратилась в тоннель; под ногами теперь вместо бурой и темно-серой гальки лежал гладкий, почти блестящий зеленый камень. Миллон однажды видел нож из драконьего нефрита, прочного и не теряющего остроту — по виду такого же. По камню тянулась черная полоса — граница, до которой доходит прилив. Миллону смутно казалось, что они не успели бы зайти так высоко, но при затуманенной голове часть пути по тоннелю могла и не запомниться. Скорее всего, табак в Киротовой трубке был не без примесей.

— Пришли, — шепнул Кирот. — Главное — не шуми.

Он протянул Миллону фонарь. В хмуром лице старого рыбака отразилось замешательство и чуть ли не страх, и Миллону, несмотря на всю усталость и боль, стало слегка не по себе. Он взял фонарь. Кирот мотнул головой, побуждая Миллона идти дальше, забрал у него трубку и опустился на корточки, словно собираясь просидеть в темноте целую вечность. Миллон зашагал вперед.

Оканчивался тоннель просторным залом. Миллон много раз бывал в соляных пещерах — природных углублениях, где мягкую породу размыло так, что обнажилась плоть мира. Однажды он даже нашел заброшенное логово контрабандистов с ржавыми остатками клинков и осколками

глиняных сосудов. Здешнее подземелье не имело с теми пещерами ничего общего. Ярко-зеленые отвесные стены казались выправленными по линейке, от вырезанных на них черных линий шли мурашки по коже. Железные подфакельники, некогда торчавшие из стен, давным-давно съела ржавчина, остались лишь черные потеки. А перед Миллоном, в самой середине пространства, стоял дракон — громадное, размером больше среднего дома, изваяние. Закрытые глаза, каждый крупнее головы Миллона. Широкие когти, под любым можно укрыться так, что никто не найдет. Огромные крылья, сложенные по бокам.

Миллон не сразу заметил, что по лицу текут слезы. Ни величественная красота статуи, ни внушаемый ею леденящий ужас не поддавались описанию. Он тихо выругался; рядом с драконом слова прозвучали почти молитвой. С трепещущим сердцем он протянул руку и коснулся ладонью широких чешуек.

Камень. Холодный, мертвый камень.

Он слышал, что в больших городах есть диковины — и древние изображения драконов, сделанные еще с живой природы, и отпечатки массивных когтей, и удивительные бестиарии, и загадочные башни. Слышал и об огромных таинственных кораблях, брезживших перед рыбаками в морозном тумане и никогда не подходивших к берегам. Мир полнился рассказами о чудесах, но самих чудес Миллон никогда не видел. До нынешнего дня.

Он сел на жесткий холодный пол — усталые ноги плохо держали. По щекам катились горячие слезы, которых Миллон не стыдился. В груди разливалось жаркое пламя при мысли о том, что теперь он посвящен в тайну. Более того — он наконец стал мужчиной. Он арестовал себе, как юный черноволосый Кирот, без единой морщины на лице, десятки лет назад сидел на этом же месте. И отец Миллона, и старшие братья. Всю жизнь они свято хранили сек-

рет, и никакие узы дружбы, привязанности или верности не могли этого нарушить. Сегодня к ним присоединился и Миллон. Теперь он знает то же, что и они. Он уже не ребенок, а мужчина клана Мюрро. И явленную ему тайну, разумеется, будет хранить до могилы.

Огонек фонаря дрогнул, запахло масляным чадом. Оказаться в храме без света и пробираться к Кироту ощупью в непроглядной черноте — не дело. Миллон поднялся на ноги, но что-то мешало ему просто так уйти. Тянуло как-то подытожить увиденное, обозначить свою причастность.

— Я сохраню эту тайну, — разнесся под сводами пещеры его высокий голос. — Никому не скажу.

Ему почудилось, будто от каменной статуи в ответ исходит безмолвное одобрение, почти благодарность. Обман чувств, конечно. Как голос моря. Впрочем, Миллону было безразлично: этот миг в тиши пещеры, когда за спиной морской простор, а перед глазами дракон, все равно запомнится ему навсегда.

Внезапно откуда-то нахлынул звук, как грохот гигантской волны, и Миллон осел на землю. Массивное изваяние дрогнуло, по широкому боку прошла рябь, посыпалась пыль с чешуи. Статуя повела когтями, подняла голову — огромная пасть раскрылась в широком зевке. Внутри мелькнула черная влажная поверхность; горячее дыхание, от которого веяло запахом масла, разнеслось по воздуху, как винные пары. Массивная голова опустилась, легла на сложенные когти и вновь застыла в неподвижности. Миллон услышал тонкий смешок, больше похожий на нервное девчоночье хихиканье, и понял, что смеется он сам.

Крепкая мозолистая рука вцепилась ему в волосы и потащила назад, другая накрыла рот, заглушая рвущийся наружу визг. Кирот раздраженно сгреб еще горящий фонарь и вытолкнул Миллона обратно в тоннель. На обратном пути постепенно стены скруглились и стали обычными камен-

ными, вновь слышался рокот моря и треск льдин, гонимых волнами. Выйдя на каменистый берег, Кирот остановился и поднял фонарь.

— Сказано же тебе — если дракон проснется, мир сгинет! — прошипел старый рыбак. — Сказано — не шуметь! А ты?!

— Я нечаянно.

Кирот раздраженно сплюнул.

— Миллон, сын Гитана из клана Мюрро! — бросил он с нескрываемым презрением. — Я ныне свидетельствую, что ты стал мужчиной. Да не больно-то о себе воображай.

**КЛАРА АННАЛИЗА КАЛЛИАМ,
бывшая баронесса
Остерлингских Урочищ**

Клара проснулась под звуки знакомой перепалки за окном. В тесной комнате постоялого двора царил ночной мрак, еще не превращенный рассветными лучами в серые сумерки. Промасленный пергамент, закрывающий окно вместо стекла, пропускал внутрь не так уж много света и почти не спасал от холода. Клара подтянула к подбородку шерстяные одеяла и вжалась в тонкий тюфяк. Муж с женой обрушивали друг на друга привычные обвинения. Он — пропойца и старая развалина с мозгами неразумного малолетки. Она — стерва, высасывающая из мужа всю кровь и не дающая спокойно вздохнуть. Он шляется по девкам. Она каждый заработанный им грош сует своему братцу. Все тот же набор супружеских упреков — обыденный, скучный, безрадостный. А печальнее всего, думала Клара, что эти двое не могут разглядеть любовь, поверх которой громоздят свои обиды. Не станешь ведь оглашать улицу криками и рыданиями, если человек тебе безразличен. Какими бы глазами они на нее смотрели, случись ей подойти к этим людям и объяснить, как им повезло, что они вместе?

Наконец она встала; в ясном сумраке комнаты было видно, как от зимнего холода выдыхаемая влага превра-

щается в облачка. Клара поспешно натянула на себя сорочку и прочее белье и надела платье с корсетом, застегивающимся на боку и позволяющим обходиться без служанки. При других обстоятельствах она носила бы траур, но, когда твоего мужа как государственного изменника убивает лорд-регент, правила слегка меняются. Приходилось довольствоваться повязанной вокруг запястья лентой, которую легко прикрыть рукавом. Клара знала, что лента на месте, и этого вполне хватало.

В прибавляющемся утреннем свете бывшая баронесса умылась и привела в порядок волосы. С улицы теперь доносился грохот телег, слышались крики возчиков, где-то раздавался собачий лай. Звуки зимнего Кемниполя. Доусон терпеть не мог наведываться в столицу среди зимы — «по зимним делам», как он это презрительно называл. Вельможа его ранга обычно проводил зимние месяцы в собственном поместье или присоединялся к королевской охоте. Теперь, правда, не было и поместья: лорд-регент Гедер Паллиако конфисковал земли в пользу короны и позже, вероятно, выдаст их кому-нибудь в качестве награды. Баронесса же располагала лишь скудными средствами, которые с трудом добывали для нее двое младших сыновей. Старший сын, Барриат, обретался неведомо где, а родная дочь Клары изо всех сил прикрывалась именем мужа и молилась, чтобы при дворе забыли, что ее девичья фамилия Каллиам.

В общей комнате Клару ждал у огня Винсен Коу. Он по-прежнему носил кожаные одежды егеря, хотя никакой охоты в городе не предвиделось, да и господина, которому он служил, не было в живых. Смешная любовь к баронессе, в которой он не раз признавался, читалась в его сияющем взгляде и в нерешительности при виде Клары. По светскому счету, разумеется, такие чувства были ниже достоинств

ва баронессы, но они ей льстили, и Клара, вопреки себе, находила их милыми.

— Я приберег для вас миску овсянки на завтрак, — сообщил Винсен. — И чай скоро заварится.

— Благодарю, — ответила Клара, садясь у небольшой железной печки.

— Позволено ли мне сегодня сопровождать вас, миледи?

Этот вопрос Винсен задавал каждый день — как ребенок, испрашивающий разрешения у любимого учителя.

— Не откажусь, спасибо, — ответила Клара, как часто бывало. Часто, но не всегда. — У меня сегодня несколько дел.

— Слушаюсь, миледи.

Винсен не думал спрашивать, что у нее за дела, — он и без того знал.

Клара собиралась низложить власть и, если получится, уничтожить Гедера Паллиако.

Она пока не имела точного плана действий, однако вся ее жизнь прошла при дворе, где она множество раз наблюдала закулисные кампании, призванные кого-нибудь скомпрометировать или устранить. Никаких секретных навыков для этого не требовалось: завязывай знакомства, болтай о пустяках и внимательно слушай все, что тебе рассказывают. Дамы, которым не удавалось преуспеть в интригах, обычно были нетерпеливы — то они слишком навязывали другим свое мнение, то чересчур рьяно раздували скандал без должных оснований. Создавать поводы искусственно — дело ненадежное, лучше использовать те, которые сами подворачиваются. Главное их не упустить.

Как и в большинство предыдущих дней, сегодня Клара первым делом остановилась у хлебной лавки на западном краю Разлома. Лавкой владел один из немногих йеммутов,

обосновавшихся в Кемниполе, — плотный, широкий в кости, с выступающими из нижней челюсти бивнями, украшенными резьбой с изображением племенных символов Кешета. И хотя по виду он напоминал диковину с экзотической выставки, речь его звучала чисто и естественно.

— А! Королева голубей! Входите, входите.

Клара улыбнулась, хотя про себя считала прозвище, придуманное для нее йеммутом, несколько бесцеремонным.

— Как поживаете нынче, Мелиан? Надеюсь, ваша жена выздоравливает.

— Ей уже лучше, миледи, — ответил лавочник, вытаскивая из-за прилавка холщовый мешок с черствыми булочками и небольшими буханками вчерашнего хлеба. — Я ей скажу, что вы спрашивали.

Деньги, получаемые Кларой от сыновей, позволяли существовать сносно, но без излишеств. Средств хватало бы и на большее, реши Клара тратить их иначе. Запах свежего хлеба в лавке каждый раз казался невероятно соблазнительным — густой, насыщенный, сладкий от патоки и пряный от запеченных орехов. Она положила на прилавок две монеты, лавочник смахнул их в широкую ладонь.

— Голуби сегодня вновь наедятся досыта, — ухмыльнулся он, обнажая рядом с узорчатыми бивнями редко поставленные зубы, пожелтевшие от времени и от кофе.

— Может, в этот раз они ответят благодарностью, — ответила с улыбкой Клара.

Винсен, уже подхвативший мешок, открыл перед ней дверь.

На улицах белел старый лед, перемежающийся с черной грязью. Из низких облаков сыпались смерзшиеся капли дождя размером с младенческий зубик — ни снег, ни град. В воздухе пахло влагой и холодом. Придворные проводи-

Абрахам Д.

- А 16 Кинжал и монета. Кн. 3 : Закон тирана : роман / Дэниел Абрахам ; пер. с англ. И. Майгуровой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 512 с. — (Звезды новой фэнтези). ISBN 978-5-389-24965-3

Третий роман цикла «Кинжал и монета» от соавтора эпической космооперы «Пространство».

Война, которую ведет Антея, пока что приносит успехи, но каждое новое завоевание ослабляет империю и усиливает сопротивление врагов. Правитель Гедер Паллиако решает добиться мира, и ему безразлично, сколько людей придется ради этого истребить. Его знатные сторонники утрачивают веру в победу, зато полны фанатичной решимости жрецы паучьей богини — главная опора Паллиако и его секретное оружие.

Тем временем Клара Каллиам, вдова казненного тираном военачальника, с огромным риском для жизни сеет семена заговора. В другой стране банкир Китрин бель-Саркур в меру своих сил препятствует триумфальному шествию империи. А старый воин и жрец-отступник отправляются в далекое и опасное путешествие по следам древней тайны — с крайне зыбкой надеждой на то, что она поможет переломить ход войны.

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ДЭНИЕЛ АБРАХАМ
КИНЖАЛ И МОНЕТА
Книга 3
ЗАКОН ТИРАНА

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ольга Крисько, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 01.04.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 31,36. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ZNF-33951-01-R